

Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Вылазка ¹⁾.

I.

же два мѣсяца японскія передовыя части были расположены шагахъ въ 30—40 отъ форта № 2. Это была странная, неслыханная въ войнахъ позиція, создавшаяся благодаря неумѣлой или случайной ошибкѣ въ конструкціи форта.

Фортъ имѣлъ хотя и тонкіе, но все же бетонные казематы, глубокіе крѣпостные рвы, порядочныя бетонныя укрѣпленія (капониры) для продольнаго обстрѣливанія рва, но площадь передъ фортъ, такъ называемый гласисъ, былъ внѣ досягаемости выстрѣловъ.

Это была удивительно непонятная ошибка строителей. Каждому юнкеру въ училищѣ извѣстно первое правило фортификаціи, вдобавокъ помѣщаемое въ учебникахъ на первой же страницѣ: площадь передъ каждымъ укрѣпленіемъ должна быть обязательно въ хорошемъ обстрѣлѣ на нѣсколько десятковъ шаговъ. И чертежъ тутъ же прилагается, гдѣ съ вала протягивается линія выстрѣла на площадь передъ укрѣпленіемъ. Безъ этой обязательной линіи нельзя чертить ни одного укрѣпленія, почему это правило автоматически засѣдаетъ въ головахъ обучаемыхъ.

А между тѣмъ, тутъ въ постройкѣ основнаго укрѣпленія крѣпости кто-то наивно пренебрегъ этимъ правиломъ.

Гласисъ форта № 2 былъ весь въ мертвомъ пространствѣ. За рвомъ начинался крутой обрывъ, и на этомъ странномъ гласисѣ спокойно залегло нѣсколько японскихъ баталіоновъ еще въ августов-

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1913 г.

скіе штурмы, когда непріятель на всѣхъ остальныхъ пунктахъ былъ жестоко отшибленъ.

Этой ошибки не было ни на одномъ изъ другихъ фортовъ крѣпости, но допускъ этой ошибки для форта № 2 имѣлъ особо тяжелыя послѣдствія. Фортъ этотъ былъ нѣсколько выдвинутъ впередъ, почему гласисъ не обстрѣливался не только со своего укрѣпленія, но и съ укрѣпленій сосѣднихъ.

Въ этомъ уютномъ уголкѣ тихо и безмятежно въ 30—40 шагахъ отъ насъ проживали наши враги. Для связи со своими оставшимися далеко войсками они пошли сапой назадъ, т. е. стали рыть ровикъ отъ себя назадъ, въ тылъ.

Это тоже было курьезомъ, ибо нормально непріятель придвигается къ гласису такими ровиками впередъ.

Къ концу сентября наше начальство начало тревожиться. Не можетъ быть, чтобы непріятель жилъ на гласисѣ спокойно и бездѣятельно. Энергія и настойчивость нашихъ враговъ были уже хорошо извѣстны; можно было не сомнѣваться, что за эти 2 мѣсяца намъ подстраивалась основательная каверза.

Въ тихія ночи, когда непріятельскія орудія уставали долбить нашъ фортъ, начали пріѣзжать безконечныя комиссіи, эти знакомыя еще по мирному времени безтолковыя совѣщанія лицъ разныхъ специальностей, другъ съ другомъ спорящіе и не желающіе одинъ другого понять. Строились всевозможныя предположенія, быть можетъ, и вѣроятныя, но, увы, недостаточно основательныя, ибо мы все же не видѣли, что дѣлаетъ на нашемъ великолѣпномъ гласисѣ непріятель.

Безплодность такого создаванія гипотезъ стала, наконецъ, очевидной, и рѣшено было, прежде чѣмъ что-либо предпринять, узнать, что происходитъ на гласисѣ.

И такъ, нужна была вылазка. Не тѣ маленькія нападенія, которыя производили любители сильныхъ ощущеній въ поискахъ японскихъ винтовокъ, мундировъ и т. п. трофеевъ; нужна была вылазка болѣе крупная, гдѣ бы приняли участіе офицеры и специалисты. Нелегкимъ дѣломъ было найти начальника вылазки, того смѣлаго толковаго офицера, который бы сумѣлъ повести людей на предпріятіе опасное, гдѣ никто не сможетъ оказать поддержки даже ружейнымъ огнемъ, гдѣ совершенно неизвѣстны ни силы непріятели, ни то, что онъ дѣлаетъ. Уже обрисовывалась сущность дѣла: нужно было ворваться въ непріятельскую гущу, расчистить штыками мѣсто, осмотрѣть его, а, если возможно, то и разрушить и уничтожить какія-либо постройки, предназначенныя противъ насъ. При осторожности, сплоченности, той постоянной готовности къ бою, которая

наблюдалась у нашего врага, трудно было рассчитывать на успѣхъ дѣла, а малѣйшее колебаніе могло погубить всѣхъ смѣльчаковъ сразу. Но охотники, какъ всегда, нашлись, и даже больше, чѣмъ оказалось нужно.

Заурядъ-прапорщикъ Малченко, выбранный начальникомъ вылазки, былъ уже давно извѣстенъ гарнизону. Высокій, бородатый мужчина, всегда спокойный и нетеряющійся. На груди его висѣли всѣ четыре георгіевскихъ креста, и, казалось, ему уже больше нечего получать за свое безконечное удалъство. И когда въ числѣ желающихъ офицеровъ оказался онъ, всѣ сразу почувствовали, что ужъ этому человѣку можно увѣренно поручить такое предпріятіе. Кто другой, а Малченко не сдастъ.

II.

Въ небольшомъ офицерскомъ казематѣ, гдѣ впоследствии былъ убитъ генераль Кондратенко, обсуждался планъ вылазки. Двѣ керосиновыя лампочки, безсовѣстно коптя, освѣщали сводчатую комнату съ тремя походными кроватями, деревянный столъ съ раскинутой картой и кучку офицеровъ въ папахъ и тулупахъ, склонившихся надъ столомъ. Было тѣсно, накурено и грязно. Тяжелый воздухъ стоялъ синеватой пеленой и каждый разъ, когда открывалась дверь, приходилъ въ движеніе, точно желалъ вырваться изъ этихъ давящихъ сводчатыхъ стѣнъ.

Высокій инженерный полковникъ Р. тыкалъ карандашемъ въ карту и говорилъ:

— Самое главное нужно посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь миннаго колодца или начала минныхъ галлерей. По-моему, они ничего другого, кромѣ минъ, предпринять не могутъ...

— Они могутъ здѣсь устроить убѣжище или сборный пунктъ для штурма,—высказывалъ свое мнѣніе тоненькимъ забавнымъ голосомъ пѣхотный капитанъ, комендантъ этого злополучнаго форта.

Воротникъ его тулупа былъ приподнятъ, папахъ надвинута на лобъ, а изъ-подъ папахъ блестѣли золотыя очки, придававшія ему весьма не воинственный обывательскій видъ. Но, несмотря на свою мирную, гражданскую внѣшность, капитанъ Р. славился своимъ настойчивымъ мужествомъ, своей необузданной горячностью, каждый разъ, когда ему приходилось съ отчаяніемъ, съ какимъ-то безудержнымъ порывомъ отражать самые тяжелые штурмы. Это былъ и пылкій, и желѣзный характеръ. Черезъ три недѣли съ перебитыми пулеметомъ ногами онъ застрѣлился въ госпиталѣ, спокойно за-

явивъ, что онъ не желаетъ влачить жалкое существованіе безногаго калѣки.

Теперь онъ какъ-то упорно и сердито возражалъ на всѣ слова инженеровъ. Точно какая-то скрытая враждебность забитаго пѣхотнаго капитана проглядывала въ его словахъ и довольно ядовитыхъ замѣчаніяхъ.

— Если тамъ минный колодецъ, то они давно уже взорвали бы насъ,—продолжалъ онъ повторять,—вѣдь нельзя же предполагать, что ихъ инженеры такъ долго думаютъ и обсуждаютъ, какъ наши.

Онъ сердито посмотрѣлъ на полковника. Молодой саперный офицеръ Д. съ обвязанной головой вступился за своего начальника.

— Здѣсь грунтъ тяжелый, сплошной камень, они могли не успѣть продѣлать галерею.

— А у васъ есть книжечки,—упорно продолжалъ свое капитанъ,—вотъ и вычислите, какой успѣхъ работъ въ каменистомъ грунтѣ.

— Я видѣлъ, что они тащили сегодня штурмовую лѣстницу,—сказалъ другой пѣхотный офицеръ,—волокли двое... длинная такая и желтая, должно быть, подкрашена въ защитный цвѣтъ...

Полковникъ старался замять немного острый споръ.

— И такъ, мы рѣшили,—началъ онъ,—что вылазку будутъ дѣлать двѣ колонны, одна правѣ форта, другая лѣвѣ... такъ?—обратился онъ къ бородатому прапорщику.

Прапорщикъ Малченко сидѣлъ неподвижно на стулѣ, немного въ сторонѣ, и равнодушно молчаливо слушалъ. При вопросѣ, обращенномъ къ нему, онъ приподнялся, приложилъ руку къ папахѣ и прознесъ:

— Слушаю-съ!

Полковникъ кивнулъ головой и продолжалъ:

— Люди соберутся сзади форта къ 2-мъ часамъ ночи... здѣсь они подѣлятся на двѣ части и поползутъ правѣ и лѣвѣ форта, ожидая сигнала... такъ?

— Слушаю-съ!—приподнялся равнодушно Малченко.

— Для подачи сигнала прожекторъ начнетъ безъ четверти три освѣщать вершину Дагушаня... ровно въ три часа прожекторъ за-вѣшиваются одѣяломъ, лучъ на вершинѣ исчезаетъ, и по этому сигналу обѣ группы справа и слѣва безъ выстрѣловъ бросаются передъ фортъ... такъ?

— Слушаю-съ!—звучитъ однообразный отвѣтъ прапорщика.

— Бросаться передъ фортъ надо стремглавъ, безудержно и всѣхъ, кто подвернется, переколотъ... саперамъ сейчасъ же искать минный колодецъ и галерею и, если найдутся, взорвать ихъ пироксилино-

выми патронами... остальнымъ продвинуться еще впередъ, чтобы обезпечить саперамъ свободу дѣйствій... когда все это кончится, бѣгомъ назадъ...

— Ну, а мы будемъ наготовѣ,—привѣтливо обращается комендантъ форта къ прапорщику,—пушки, пулеметы будутъ заряжены, люди съ винтовками у вала, и чуть-что, сейчасъ же постараемся васъ выручить.

Все такъ же автоматически поднимается прапорщикъ и прикладываетъ руку къ козырьку.

III.

Никто на фортѣ не спалъ въ темную сентябрьскую ночь, предназначенную для вылазки. Уже съ полуночи началось тихое безшумное движеніе по фортѣ, разставлялись солдаты, отдавались послѣднія приказанія. Распоряженія передавались шепотомъ, чтобы непріятель, бывшій въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, не услышалъ. Телефоны рядомъ съ офицерскимъ казематомъ крикливо и безудержно звонили.

Комендантъ, какъ всегда взволнованный, носился по фортѣ и тыкался своими золотыми очками во всякую дырку. Японцы изрѣдка и лѣниво пострѣливали. Стоявшій шагахъ въ 100, хорошо знакомый мнѣ пулеметъ отъ времени до времени проходилъ свинцовой дробью по бойницамъ, подлавливая зазѣвавшихся людей. Вонь солдатъ, со стономъ схватившись за голову, стремительно отбѣжалъ отъ вала и грохнулся посреди форта. Зазѣвался у бойницы, бѣдняга.

— Черти! Сколько разъ говорилъ, не стоять зря у бойницъ,—слышался сердитый шопотъ коменданта.

Нѣсколько очередныхъ бомбъ съ тяжелымъ свистомъ прилетѣли на фортъ и съ грохотомъ раскидали свои массивные, острые осколки по всѣмъ направленіямъ. Артиллеристы завозились у сломаннаго блиндажа, вытаскивая исковерканный, весь перегнувшійся, какъ смятая бумажка, лафетъ.

Приѣхало начальство: генералъ и два полковника.

Комендантъ своимъ сердитымъ голосомъ рапортывалъ, что все благополучно, за исключеніемъ сломаннаго блиндажа и разбитой пушки. Генералу дали пробу,—щи изъ копны и угостили мясными консервами, „тѣломъ усопшаго бригадира“, какъ шутили называли офицеры эти длинные, пахучія волокна подозрительнаго мяса.

Но вотъ и безъ четверти три. Среди непрогляднаго мрака верстахъ въ двухъ, на острой вершинкѣ засвѣтилось небольшое огненное кольцо.

Круглое свѣтящее пятно стояло неподвижно на сопкѣ, а отъ него шелъ чуть-чуть свѣтлый лучъ къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Всѣ были на мѣстахъ. Начальство и офицеры форта стояли у вала, кутаясь въ полушубки и стараясь что-либо разсмотрѣть въ бинокли.

Но кромѣ свѣтлой горки ничего нельзя было разглядѣть въ густой темени тихоокеанской ночи.

Ровно въ 3 часа утра мгновенно свѣтлое пятно скользнуло съ вершинки и исчезло. Тишину ночи прервалъ шумный тяжелый топотъ быстро бѣгущихъ солдатскихъ ногъ. Послышались кряхтящіе звуки въ перемежку съ тонкими пискливыми стонами. Нѣсколько выстрѣловъ, и глухая, жестокая возня...

Обѣ колонны безъ четверти три лежали, притаившись, шагахъ въ 15 передъ японскими часовыми.

Маленькій черный силуэтъ японскаго солдата стоялъ неподвижно, имѣя за собой другую такую же фигурку, подчаска. Точно темныя статуи. Ни звука, ни шевеленія.

И, когда по сигналу наши охотники вскочили и бросились на нихъ въ бѣшеномъ порывѣ, ни одна изъ этихъ фигурокъ не сдѣлала шага назадъ.

Короткимъ отрывистымъ движеніемъ вскинули они винтовки и упорно, настойчиво выстрѣлили въ лицо атакующимъ. Съ протяжнымъ стономъ тяжело грохнулся прапорщикъ Малченко. Одно мгновеніе, и оба часовые пронизаны штыками. Беззвучно упали они на землю, на то мѣсто, на которомъ такъ гордо и упорно стояли, упали, не сдѣлавъ шагу назадъ, мертвые, но на своемъ честномъ посту.

Обѣ широкія волны охотниковъ хлынули дальше. Съ двухъ сторонъ вонзились они въ непріятельскую роту, смѣнявшую своихъ рабочихъ.

Нещадное избіеніе застигнутыхъ врасплохъ японцевъ.

— „Вонъ колодець! Вонъ, вонъ!“ — раздается взволнованный шопоть. Наши саперы быстро опускаются въ глубокую яму, изслѣдуютъ ее и минуты черезъ двѣ снова наверху.

А бой идетъ. Жестокая трескотня поднимается изъ заднихъ японскихъ траншей. Охотники залегли цѣпью и отвѣчаютъ. Коегдѣ еще идетъ тяжелая возня рукопашнаго боя. Японскіе трупы и еще живые раненые усыпаютъ валикъ и ровъ окопа, раскиданные, точно просыпанная картошка.

Раздается нѣсколько трескучихъ грохочущихъ взрывовъ. То саперы рвутъ минный колодець и начало галлерей. По этому сигналу охотники быстро вскакиваютъ и бѣгутъ назадъ торопливо и нестройно.

Вылазка кончена. Цѣль достигнута, минныя работы найдены и испорчены. Въ казематахъ набиваются охотники и шумно повѣствуютъ о случившемся. Ихъ раскраснѣвшіяся лица, горящіе глаза, нервныя движенія свидѣтельствуютъ о возбужденіи, съ которымъ они только-что дрались. Нескладныя взволнованныя рѣчи.

— „Я его какъ пырнулъ, а онъ за штыкъ хватается и прямо на его лѣзетъ“...

— „Совсѣмъ оробѣли! Стоять и не шелыхаются“...

— „Я думалъ было, конецъ, да Егоровъ вызволилъ... какъ схватить его за горло, ажъ захрапѣлъ“...

Въ офицерскомъ казематѣ, все такъ же тускло освѣщенномъ лампой, небольшая группа окружаетъ носилки, на которыхъ лежитъ Малченко. Пальто разстегнуто, рубаха приподнята, и въ нижней части живота, сквозь наложенную перевязку просачивается кровавое пятно. Онъ тяжело дышетъ, перебираетъ пальцами, его бородатое лицо съ закрытыми глазами, поблѣвшее, слегка буроватого цвѣта. Его рана безусловно смертельна.

Офицеры, фельдшеръ и два солдата смотрятъ грустными глазами на умирающаго богатыря. Тяжелое, обидное чувство подымается въ груди. Всего двое убитыхъ, и одинъ изъ нихъ почему-то, именно этотъ смѣлый, спокойный человѣкъ. Ждутъ доктора. Но не поможетъ и онъ Малченкѣ. И не воскресить его телеграмма, поздравляющая его съ первымъ дѣйствительнымъ офицерскимъ чиномъ подпоручика...

IV.

— „Ваше Благородіе, позвольте сдѣлать вылазку“,— говоритъ маленькій черненькій солдатикъ съ типичнымъ еврейскимъ лицомъ. Онъ говоритъ „вылазку“ и „исдѣлать“.

— „Ты? Вылазку? Зачѣмъ?“—изумляюсь я.

— „Тамъ, Ваше Благородіе, трупъ нашего унтеръ-офицера послѣ вылазки остался. Такъ достать его, оттащить отъ японцевъ“...

Изумляюсь больше. Необыкновенная храбрость какъ-то не вяжется съ этой хитрой юркой фізіономіей. Что-нибудь не спроста.

— „Ты кто такой? Охотникъ?“

— „Никакъ нѣтъ! А только это унтеръ изъ нашей роты“...

Конечно запрещаю эту глущую, безразсудную вылазку за мертвымъ, хотя и весьма похвальную побужденіемъ.

— „Дозвольте, дозвольте“,— пристааетъ солдатъ.

Повторяю свое запрещеніе.

Черезъ полчаса, обходя фортъ, вижу еврейчика около бойницъ.

— „Ты что здѣсь дѣлаешь?“

— „Я, Ваше Благородіе, хочу только высмотрѣть... Безъ разрѣшенія я не пойду... Только высмотрѣть, гдѣ онъ“...

— „Ладно, стой, только будь осторожнѣе“— предупреждаю я его о пулеметѣ, который отъ времени до времени пускаетъ струю пуль вдоль бойницъ.

Это было подъ вечеръ, часовъ около шести.

На другой день на разсвѣтѣ обхожу фортъ, вижу опять еврейчика у бойницъ.

— „Ты все еще сидишь?“

Молчаніе.

Вглядываюсь пристальнѣе, и спокойная неподвижность фигуры привлекаетъ мое вниманіе.

— „Ты что?..“—наклоняюсь я. Еврейчикъ сидитъ на корточкахъ, держа ружье вертикально передъ собой. Въ его головѣ, смотрящей въ бойницу, сидятъ четыре пули. Маленькія отверстія чуть видны между черными курчавыми волосами, и только тоненькія кровавыя струйки оставляютъ болѣе замѣтные слѣды смертельныхъ ранъ. Пулеметный дождь мгновенно сдѣлалъ свое дѣло, и солдатикъ такъ и застылъ въ своемъ положеніи, прислонившись плечомъ къ земляному валу.

Эта смерть оставила странное впечатлѣніе.

Въ общей робкой массѣ еврейскихъ солдатъ, правда, бывали отдѣльные смѣльчаки, но мотивы, заставившіе полѣзть на смерть этого еврейчика, казались мнѣ слишкомъ высокими и какъ-то не укладывались въ нашихъ обычныхъ понятіяхъ.

Спустя полчаса его выносили на носилкахъ, и группа офицеровъ вела по поводу этого случая оживленный разговоръ у мостика.

— „Хоть и жидъ, а храбрый солдатъ былъ“,— сказалъ комендантъ форта при проходѣ похоронной процессіи.

— „Ваше Высокоблагородіе, позвольте доложить“,— вмѣшался въ бесѣду офицеровъ молодцоватый унтеръ, съ длинными бѣлокурыми усами.

— „Чего тебѣ?“

— „Такъ что ёнъ за деньгами ходилъ...“

— „Кто ёнъ?“

— „Еврейчикъ... у того убитаго унтера рублей двѣсти было... Вся команда знала... Онъ прослышалъ, ну, и поползъ... Такъ что совсѣмъ не за трупомъ ходилъ... За деньгами, что у трупа“.

Великое движеніе души стало проще и понятнѣе.

К. Шумскій.

